Подземелье ведьм

Автор:
Кир Булычев

Подземелье ведьм

Кир Булычев

Андрей Брюс #2

Всё смешалось на этой планете. Рядом с людьми бродят динозавры. Да и люди разные. Кто уже железо знает, кто ещё по пещерам сидит. Но умные головы везде есть. И одна из них захватывает земную экспедицию: пусть расчистят путь к власти. Но на помощь приходит дочь вождя – Белогурочка.

Кир Булычев

Подземелье ведьм

Поздно вечером с корабля «Гранат», который находился на орбите, заметили большой пожар. Пожар бушевал в степи, где располагалась исследовательская станция. В тот момент на станции было семь сотрудников и один гость – Андрей Брюс. Брюс отправился на планету на корабельном катере, чтобы отвезти почту и оборудование для станции, забрать образцы и заболевшего сотрудника. Было договорено, что Андрей Брюс останется на станции до утра.

На «Гранате» не нашлось никого, кто бывал на планете, и представление о ней оказалось самое общее. Известно лишь, что обитатели степи – дикие кочевники – постоянно воюют между собой.

Пожар, замеченный с «Граната», был не первым. За этот вечер на пункте связи зарегистрировали, по крайней мере, четыре пожара. Один большой – горела

степь, три малых – результаты набегов и стычек.

Станция была надежно защищена от нападения дикарей, и поначалу пожар никого не встревожил. На всякий случай дежурный радист вызвал станцию, чтобы спросить, не требуется ли помощь.

Станция не отвечала. Радист доложил об этом вахтенному. Вахтенный приказал выпустить «глаз» – спутник наблюдения и остался в узле связи, тогда как радист продолжал вызывать станцию.

«Глаз» спустился к поверхности планеты и передал видеоинформацию. Станция горела.

Пылали конусообразные, схожие с шатрами кочевников здания. Огонь охватил даже планетарный катер, который стоял метрах в пятидесяти от шатров. Можно было угадать какие-то фигурки, что метались среди факелов. Дым, черный, густой и жирный, скрывая пожарище, тянулся на несколько километров.

Вахтенный разбудил капитана и распорядился готовить к вылету второй планетарный катер. На лайнере по штатному расписанию положено иметь два катера, один из которых в оперативной готовности. Но он-то и горел сейчас внизу, поэтому несколько лишних минут ушло на подготовку второго.

Капитан подтвердил распоряжения вахтенного. На катере отправились врач, второй штурман Гришин и два инженера.

Пока готовили катер, выдавали оружие и грузили медикаменты, на мостике шла оживленная дискуссия: что же могло случиться? Даже если случайно в каком-то из шатров возник пожар, его должны быстро загасить пожарные автоматы. Да и вряд ли можно ожидать настолько внезапного пожара, чтобы он помешал станции выйти на связь с «Гранатом». Возможно, на станцию кто-то напал и это нападение застало врасплох даже опытного начальника станции Конрада Жмуду и капитана Космофлота Андрея Брюса, который после нескольких лет службы агентом Космофлота на планете Пэ-У летел в Центр, чтобы получить корабль.

Андрей был человеком энергичным, вынужденное безделье на борту «Граната», который неспешно передвигался от планеты к планете, снабжая их экспедиции

и сменяя ученых, его томило. Когда он предложил отправиться на планету, подменив штурмана, капитан «Граната» был рад оказать Андрею такую услугу. Теперь же получалось, что эта услуга могла обернуться для Андрея бедой.

Планетарный катер спустился рядом со станцией примерно через полтора часа после того, как на «Гранате» впервые заметили пожар.

Пожар уже кончался – пламя сожрало все, что было ему подвластно. От шатров станции остались лишь черные остовы, катер выгорел даже изнутри.

Среди углей и пепла удалось отыскать четыре трупа. В одном опознали Конрада Жмуду, три других были в таком состоянии, что опознать их можно будет лишь в Галактическом центре. Несколько в стороне от сгоревших шатров была найдена Ингрид Хан, сотрудница станции, геолог. Она была в тяжелом состоянии.

Пока врач старался оказать на месте первую помощь, а один из инженеров снимал фильм, чтобы потом на корабле установить истину, штурман со вторым инженером пошли к заросшей кустарником лощине. В этой лощине «глаз» обнаружил несколько небольших, обтянутых шкурами шатров – там обитали кочевники.

Штурман и его спутник осторожно подошли к шатрам. Возле шатров их встретили обитатели этих жилищ – грязные, первобытные, почти обнаженные люди, которые знаками отрицали свою причастность к гибели станции, повторяя слова «Октин Хаш». Тем не менее подозрение с дикарей не было снято, потому что штурман заметил в становище некоторые предметы со станции. Лица и руки большинства дикарей были измазаны сажей. Ясно, что они побывали на пожарище.

«Глаз» тем временем обследовал окрестности станции. Удалось увидеть и сфотографировать несколько трупов кочевников. Среди них не было ни одного из трех исчезнувших сотрудников станции. Не исключалось, правда, что они тоже погибли в пожаре.

Недалеко от станции было обнаружено логово хищных ящеров, именуемых тираннозаврами. Возникло предположение, что станция погибла от их нападения, тем более что у самой границы станции были замечены следы такого ящера, каждый след около метра в поперечнике.

Дальнейшие поиски пришлось прервать, так как врачу не удалось привести в сознание Ингрид Хан, и она могла в любой момент умереть. Решено было срочно вернуть катер на корабль, а с рассветом возобновить поиски. «Глаз» же продолжал находиться над степью, регистрируя передвижения кочевников.

Всю ночь на мостике расшифровывались и изучались снимки, сделанные «глазом». Однако в группах всадников и на становищах не удалось увидеть ни одного из землян.

Утром катер вновь отправился на планету. Он опустился возле большого становища, километрах в тридцати от станции. Становище готовилось к перекочевке, и люди с корабля были встречены враждебно. Искать землян в скопище людей, которые запрягали повозки, складывали кибитки, собирали утварь, готовили пищу, было нелегкой задачей. Ни людей, ни предметов со станции найти там не удалось.

«Гранат» оставался на орбите. Ждали, когда очнется Ингрид Хан. Наблюдения за степью продолжались, но никого, кроме аборигенов и удивительных животных, словно сошедших со страниц палеонтологического атласа, найти не удалось. Так прошел второй день и наступил третий.

С каждым часом надежда найти Андрея Брюса и двух сотрудников станции становилась все более эфемерной…

* * *

Андрей Брюс был благодарен капитану, который разрешил ему отвезти на планету катер и остаться там до утра.

Катер опустился на зеленой лужайке возле группы конусов – шатров станции. Встречать его вышли все семь сотрудников.

Когда ты впервые видишь людей и знаешь, что через день расстанешься с ними навсегда, твое внимание выделяет одно-два лица.

Андрей был знаком с Конрадом Жмудой, начальником станции. Тот за прошедшие годы раздался, постарел и полысел, но не потерял могучей энергии и уверенности очень сильного и здорового человека.

Станция была на планете уже полгода, и ее сотрудники стосковались по новым лицам. Конрад долго тискал Андрея в объятиях, словно обрел потерянного брата. Затем Андрея представили другим ученым, и взгляд его выделил красивую худощавую женщину в шортах и безрукавке, которая оказалась геологом Ингрид Хан.

Перед тем как войти в шатер станции, Андрей огляделся. Стоял жаркий безветренный день. Шатры расположились на пологом склоне, что вел к озерку, окруженному зарослями тростника. Выше начиналась степь. Кое-где над ней поднимались холмы, поросшие кущами деревьев. Трещали кузнечики, оглушительно щебетали птицы. Степь уже отцветала, но трава еще не пожелтела и источала влажные, тяжелые запахи.

В отдалении, возле деревьев, стояли люди. От текучего густого воздуха фигуры их колебались, словно плыли.

– А это кто? – спросил Андрей.

– Наши соседи, – сказал Конрад. – Беженцы. Я потом расскажу.

Они прошли внутрь конуса. Там было чуть прохладнее.

– Мы не включаем кондиционеры, – сказал Конрад, – так здоровее. А то насморки, простуды. Но ночью здесь прохладно. Ты отдыхай. Сейчас разгрузимся и будем обедать. Вечером предстоит зрелище.

– Какое?

– Ничего не скрою.

Вбежал маленький чернявый человек с трагически сошедшимися к переносице бровями, бросил мешок с почтой и выхватил из-за пояса пистолет.

– Они как чуют! – крикнул он и кинулся к выходу.

– Что случилось?

Конрад открыл стенной шкаф, вынул оттуда другой бластер.

– Хочешь – погляди, – сказал он. – Только от шатра не отдаляйся. Они зубастые.

Андрей привык следовать советам опытных людей. К середине жизни понимаешь, что любопытство в самом деле порок, особенно в незнакомом месте.

От двери шатра он увидел, что над поляной кругами, быстро и суетливо, как летучие мыши, вьются темные, гадкого вида метровые создания с длинными острозубыми рылами, перепончатыми крыльями и короткими заостренными хвостами. Это были птеродактили. Порой кто-нибудь из них пикировал вниз, норовя вцепиться зубами в человека или в один из ящиков, сложенных возле катера. Конраду удалось подстрелить ящера, и тот рухнул на землю. Остальные, забыв о людях, кинулись на собрата.

Засмотревшись, Брюс не заметил, как птеродактиль выбрал объектом нападения его голову. Он так рванул Андрея за волосы, что у того из глаз посыпались слезы. Чернявый человек обернулся и выстрелил. Птеродактиль, испуская отвратительную вонь, упал на Брюса и сшиб его с ног.

Конрад подбежал к Брюсу и сказал, помогая ему встать на ноги:

– Я же просил тебя не вылезать.

– Ну и развели вы гадов, – сказал Брюс, приложив ладонь к затылку. Ладони стало тепло и мокро.

– Как воронье, – сказал Конрад. – Их тут много. Приспособились к помойкам. У каждого становища вьются.

Он поглядел на птеродактилей. Они торопились, доедали товарища.

– Теперь они нажрутся и улетят, – сказал Конрад. – Как бы только соседи не заметили… – И тут же добавил: – Заметили.

К ним бежали дикари, которые волокли по траве большую редкую сеть.

– А этим что надо? – спросил Брюс, разглядывая ладонь. Ладонь была в крови.

– Ты промой рану, может быть заражение, – сказал Конрад.

– Обязательно, – сказал Брюс.

Дикари были невысоки, тонконоги, вся одежда – короткая кожаная юбка и ожерелье из зубов и камней. И странные прически: небольшой гребень поперек бритой головы. Они кричали и смеялись, белые зубы сверкали на смуглых лицах.

Ингрид вытащила из катера пластиковое полотно и с помощью чернявого мужчины начала покрывать им ящики и контейнеры, лежавшие на траве. Теплая струйка крови потекла по шее Брюса, и он вытер ее. Надо в самом деле привести себя в порядок. Но кто здесь доктор?

Дикари с сетью добежали до шевелящейся кучи птеродактилей, накинули на них сеть, и когда птеродактили сообразили, что, увлекшись обедом, потеряли свободу, было поздно. Они бились под сетью, стараясь взлететь, а мужчины дротиками и каменными топорами глушили их. Стоял страшный гомон.

– Эй! – крикнул Брюс. – Ты куда?

Один из дикарей, пользуясь суматохой, подбежал к вещам на траве, откинул угол полога и потащил к себе серебряный плоский ящик. Ингрид увидела и стала тянуть ящик на себя. Ей на помощь пришел Конрад. Худой высокий мужчина в белых шортах громко увещевал грабителей. Язык, на котором он говорил, был цокающим, быстрым, отрывистым, словно стрекотание лесной птицы.

Увещевания, а, главное, неудача внезапного нападения утихомирили охотников. Еще через три минуты они удалялись, волоча сеть, полную битых птеродактилей, и с хохотом рассказывая друг другу о своих подвигах.

– Брюс, – сказал Конрад возмущенно, – я уже сказал тебе, что надо промыть рану.

* * *

Доктором оказалась Ингрид.

Она выбрила Андрею волосы на затылке и обработала рану, потом залила ее пластиком. Придется походить денек с этой заплатой. Но если Брюс хочет, ему можно сделать прическу как у кочевника. Жан тоже собирается…

– Зачем ему?

– Он гениальный филолог. Вы бы послушали, какие беседы он ведет со степняками. Его приняли в стаю. Теперь испортят они нашего Жана. У них нет принципов – что хорошо, а что плохо. Готовы всю станцию ограбить. Белогурочка, милейшее создание, я ее очень люблю, украла зеркало. И повесила на юбку, спереди, представляете? От их хохота мы всю ночь не спали. Вот и все. Можете идти. А то у птеродактилей на зубах бывает трупный яд.

– Я думал, что они крупнее.

– Они бывают куда крупнее. К счастью, сюда не залетают.

Пришел Конрад.

– Не жарко? – спросил он. – А то включим кондиционер.

– Нет, спасибо. А почему вы пускаете аборигенов на станцию?

– Нет, – сказала Ингрид, – в помещения мы их не пускаем.

– Дежурный на пульте всегда может включить силовое поле, – сказал Конрад. – А ночью обязательно включает.

– Конрад их жалеет, – сказала Ингрид. – Это его стая.

– А ты их не жалеешь?

– Жалею, – сказала Ингрид, – но мы ничем не можем помочь.

– Что с ними случилось? – спросил Андрей. Пластик стягивал кожу, и хотелось его содрать.

– Сегодня увидишь, – сказал Конрад. – К нам пожалует сам Октин Хаш.

– Я думаю, – сказала Ингрид, – что он пришлет своего палача.

– Приедет, – сказал Конрад. – Я с ним говорил. Он любопытен.

Андрей Брюс попросил воды, выпил маленькими глотками. Вода была свежей, родниковой.

– Наши соседи, по-здешнему – стая Белого волка, – сказала Ингрид, – кочевали раньше километрах в двухстах отсюда. Мы основали станцию в безлюдном месте. Даже вместо куполов поставили шатры, чтобы не выделяться.

– Они о нас все знали, – сказал Конрад. – Охотники сотню километров проходят в день. А верховой и еще больше.

– Они к нам приходили, – сказала Ингрид. – Мы для них другая стая. И очень богатая. Мы с ними наладили отношения – они к нам привыкли, но приезжали нечасто. Обокрасть нас трудно, а железа мы не даем. Но потом пришел Октин Хаш.

– Кто он такой? – спросил Андрей.

– Аттила, местный Аттила, – сказал Конрад. – Он пришел со своей ордой с юга. Так нам говорили. Другие считают, что он всегда кочевал у Зеленой реки, а года два назад стал сильным.

– Ведьмы помогли, – заметила Ингрид, складывая инструменты и закрывая шкафчик. – Наша стая так считает.

– Ведьмы или организационные способности, – сказал Конрад, – но суть в том, что он сумел подчинить себе все стаи этой степи и собирается в большой поход к морю. А войны здесь простые – смерть или рабство. Стая Белого волка тоже была разбита, и остатки ее бежали к нам под крыло. Октину Хашу это не нравится, он не хочет делить с нами степь, но и не смеет напасть.

– Как же называется ваша стая? – спросил Андрей.

– Стая Железной птицы, – ответил Конрад. – Только не воображай, что нам все это нравится. Если бы не уникальная фауна, не миллион загадок, мы бы отсюда улетели.

– Соблазн велик?

– Знаешь, как кличут нашу планету в Управлении Исследований? Эвур. Эв-ур – Эволюционный урод. Здесь все сразу – триас и мезозой, кайнозой и хомо сапиенс. Новые виды здесь появлялись, а старые не вымирали. Этого не может быть, но это случилось. Ради того, чтобы здесь поработать, можно пойти на переговоры даже с Октином Хашем.

Филолог Жан заглянул в медпункт.

– Там Белогурочка, – сказал он. – Ее отец заболел.

– Что с ним? – спросила Ингрид.

– Был на охоте. Больше она не говорит. Табу.

– Я пойду, – сказала Ингрид. – Скажи Медее, что пирог в духовке.

– Я сам посмотрю, – сказал Конрад. – Возьми с собой нашего раненого. Ему интересно.

– Спасибо, – сказал Андрей. – Я пойду.

– Вернетесь – будем обедать, – сказал Конрад.

* * *

Перед выходом Конрад выдал Андрею пояс с бластером.

– Здесь много неожиданных гадов, – сказал он. – Правда, сюда они редко суются – шумно, боятся, запахи чужие. И все же залетают.

Они пошли втроем. До шатров было метров триста. Впереди шагал Жан. Он нес через плечо сумку Ингрид с медицинскими инструментами. Затем Ингрид – рука на поясе. Андрей замыкал шествие.

Спутники Андрея выглядели опереточно – легкие рубашки и шорты, широкие пояса с пистолетами на боку, высокие сапоги – типичные покорители звездных трасс из детских фильмов.

Они шли по широкой тропе. Трава была сочной, зеленой. Гудели пчелы, огромный, в пядь, зеленый кузнечик выскочил на тропинку, присел и сиганул метров на десять. Вереницей пересекали тропинку большие желтые муравьи, мелкие розовые бабочки густой стайкой вились над белыми шапками соцветий. Андрей отмахнулся от шмеля размером с кулак. Тот обиженно взревел, но отлетел.

– Они не кусаются? – спросил Андрей.

– Вылечим, – ответила Ингрид обнадеживающе.

– Все же здесь надо быть осторожнее, – сказал, обернувшись, Жан. – Вылечить она вылечит, но будет больно.

– А в озере вы купаетесь? – спросил Андрей.

– Ни в коем случае, – сказала Ингрид, – на это даже моего оптимизма не хватит.

– Оптимизм ни при чем, – сказал Жан. – Один раз на берег выползла такая гадина, что Конрад забрался на шатер – совершенно гладкая поверхность, а забрался на верхушку. Я думал, что умру от смеха.

По скучному тону Жана трудно было представить, чтобы он умирал от смеха.

– Аксель Акопян его застрелил, – сказала Ингрид. – Шкура в столовой висит. Посмотрите.

– Нет, – сказал Жан. – Мы ее уже запаковали.

Шатры стаи Белого волка вблизи оказались жалкими поделками. Несколько жердей связаны сверху, оплетены ветками и кое-как прикрыты облезлыми шкурами.

Площадка вокруг чумов была утоптана. Удручающе воняло. Более всего от тушек птеродактилей – женщины разделывали их на открытом воздухе. Тучи синих мух реяли над ними. Женщины прекратили работу, глазели. Их заинтересовал Андрей. Незнакомый человек. И одет иначе. Синие рейтузы, серебристые башмаки и белая безрукавка.

Голые детишки, все с косточками, которые они обсасывали, – в становище было много мяса, – сбежались, чтобы потрогать гостей. Одна из женщин поднялась и отогнала их хворостиной.

Верхом появился парень в меховой юбке. Он спрыгнул с коня, шлепнул его по морде.

– Хе ка-ва сей, – гортанно сказал он.

Жан ответил длинной фразой.

Из самого большого чума через низкое отверстие выполз толстый старик. Сидя на корточках, принялся хлопать себя по щекам.

– Это брат вождя, – сказала Ингрид. – Показывает, какое большое горе.

Андрею хотелось убежать от тоскливой, всепроникающей вони. Мухи перелетели к гостям и густо жужжали у самых глаз. Рыжая хромая собака с окровавленной мордой зарычала, осев на задние лапы.

– Пошли в шатер, – сказала Ингрид. – Там мух нет.

В шатре было прохладнее. Глаза быстро привыкли к зеленоватой полутьме; внутри шатер оказался просторнее, чем выглядел снаружи. Пахло терпко и остро – в середине дымил костер, лежала охапка травы. У костра на корточках сидела девушка. Она кинула в дым связку травы и поднялась. На темном лице светились белки глаз и зубы.

– Ты пришла. – Она легонько, на мгновение прижалась лбом к плечу Ингрид.

Куча тряпок и шкур за костром зашевелилась. Оттуда послышался низкий голос. Зацокал, заурчал. Жан ответил.

– Вождь был на охоте, – сказал Жан. – Его догнал лев.

Ингрид прошла к ложу раненого. Жан переводил ей.

Андрей понимал, что он здесь лишний, но выходить наружу, в жару и вонь, не хотелось.

Рядом с костром в землю было вкопано бревно с сучьями. На сучьях висело оружие. Андрей подошел, разглядывая короткие копья с широкими каменными лезвиями, прямой зазубренный меч.

Девушка стояла к нему спиной, наблюдая за тем, что делает Ингрид. Наряд девушки ограничивался короткой юбкой, ладно сшитой из конской шкуры. Прическа странная – на висках волосы сбриты, на макушке торчат ежиком.

– Так можно и ногу потерять, – сказала Ингрид.

В ответ что-то спросил раненый, потом ответил Жан. Девушка почувствовала взгляд Андрея и обернулась. Куда быстрее, чем оборачиваются городские девушки, которые не чувствуют чужих взглядов и не привыкли их бояться.

Глаза были светлые, внимательные. Андрей улыбнулся. Девушка после секундной паузы улыбнулась в ответ.

– Тебя я не видела, – сказала она. – Ты новый. Ты с неба?

– С неба, – сказал Брюс. – Ты откуда знаешь наш язык?

– Жан меня учит, – сказала девушка. – Никто не знает язык людей неба. Я знаю. Я умная. Я – дочь вождя.

– Как тебя зовут?

– Биллегури, а твои люди зовут меня Белогурочка. Почему?

– Им лучше знать. Это хорошее имя.

В Белогурочке было что-то птичье – в посадке головы, настойчивом взгляде, тонкости костей. От плеча до небольшой груди шел светлый шрам. Белогурочка перехватила взгляд Андрея и сказала:

– Меня ударил врар, я упала с горы. И прямо на сук.

– Ты знаешь много слов, – сказал Андрей. – Кто такой врар?

– Это пещерный медведь, – сказал Жан. – Их здесь не бывает, они живут к северу, где раньше кочевала стая.

– Мы раньше жили у леса, – сказала Белогурочка. – Потом пришел Октин Хаш и убил многих мужчин. И взял женщин. А мы убежали. Он хотел и меня взять. Вы будете с нами есть?

– Нет, – сказала Ингрид. – Мы будем есть дома.

– Жан боится нашей пищи, – сказала Белогурочка. – Он боится, что у него будет болеть живот от микробов.

В чум заползла женщина. Спросила что-то. Ей ответил Жан.

Только сейчас, когда прощались, Андрей увидел отца Белогурочки. Тот лежал на спине с закрытыми глазами. Ингрид дала ему наркоз, и теперь он отдыхал от боли.

Белогурочка выпорхнула за ними на площадку. Андрею стало дурно от вони. Разделка птеродактилей подходила к концу. Дети гоняли собак, чтобы те не растащили мясо.

Подскакали два воина. Они подняли копья, приветствуя гостей. Один из них, одноглазый, засмеявшись, прощебетал длинную фразу. Жан ответил. Ингрид поняла и сказала Андрею:

– Он жалеет, что не смог утащить у нас блестящую коробку. Они страшные воришки. Если покопаться в шатрах, найдешь все, что пропало у нас за полгода.

Жан тоже смеялся. Белогурочка сказала:

– Брать чужое плохо.

Она посмотрела на Андрея снизу вверх. Она была на голову ниже его.

– Плохо, – согласился Андрей.

– У тебя на голове блестит. Это рана?

– Как ты догадалась?

– Ингрид всегда мажет раны жидкой мазью, которая потом твердая. Кто на тебя напал?

– Птеродактиль, – сказал Андрей. – Знаешь?

– Знаю. Это корпы. Вон лежат. Мы из них делаем одежду, когда холодно. И еще едим. У нас теперь много мяса. Хочешь, я тебе дам?

– Пошли, – сказала Ингрид. – А то тебе обедать не захочется.

Белогурочка смотрела им вслед. Она увидела, что Андрей обернулся, и крикнула:

– Ты красивый!

– Ну вот и поклонница, – сказала Ингрид. – Почему во всей Вселенной капитаны Космофлота пользуются такой популярностью у девушек?

– Не представляю. Раньше это говорили о гусарах.

– У них форма красивая, – сказал Жан. – Смотри под ноги. Змея!

Змея скользнула молнией и скрылась в траве.

* * *

Андрей принял душ. Ему казалось, что он пропитан запахами становища.

За обедом Конрад сказал:

– Тебе повезло.

– Я рад, что побывал там, – сказал Андрей. – Это очень интересно. Только воняет.

– Я не об этом. К нам в гости сам Октин Хаш.

– Аттила?

– Он умный человек, – сказал Конрад. – Я с ним разговаривал. Он сознает свою историческую задачу.

– Если историческая задача – грабить и убивать, – сказала Ингрид возмущенно, – то осознать ее несложно. Вам нравится суп?

– Необычно, – сказал Андрей.

– Мы здесь многому научились, – сказала Ингрид. – Знаем, какие травы полезны, а какие есть нельзя.

– Спасибо Белогурочке? – спросил Андрей.

– Она вам понравилась? Правда, замечательный ребенок?

– Сколько ей лет?

– Не знаю. Жан, сколько лет твоей Белогурочке?

– Здесь год немного длиннее нашего, – сказал Жан. – И потом в первобытном обществе другие мерки. Девиц отдают в соседний род, когда исполняется тринадцать-четырнадцать.

– А почему не отдали Белогурочку?

– Она была предназначена парню из стаи Динозавров. Но та стая полностью истреблена. Белогурочка – девушка-вдова. Это недостаток.

– Еще налить супа? – спросила Ингрид.

Пришел чернявый, ртутный, яростный Аксель Акопян. Присел за стол и принялся работать ложкой так, словно соревновался на скорость.

– Видели, какой дым? – сказал он.

– Мне говорили, что орда Октина Хаша захватила кибитки стаи Серой акулы и был бой, – сказал Жан.

– Господи, когда это кончится! – сказала Ингрид.

– Я тупею от этих запахов, – сказал Конрад. – Здесь все пахнет.

Пышная добрая Медея, которая дежурила на кухне, принесла миску с тушеным мясом.

– Угадай, что это такое, – сказал Конрад.

– Лучше и не пытайтесь, – возразила Ингрид. – Я стараюсь не думать. Хорошо, что у нас запас консервов.

– Ничего особенного, – сказал Жан. – Это оленина. Я покажу вам его рога. Два метра в размахе.

– Почему все так нелогично? – спросил Андрей. – Законы эволюции постоянны. Одно отмирает и уступает место другому.

– Здесь не уступило, – сказал Конрад.

– Сюда нужно экспедицию человек в сто, – сказал Аксель. – Я написал отчет, а в Центре никак не раскачаются. Эта планета набита тайнами. Ты смотришь направо – так быть не может! Ты смотришь налево – такого не бывает, а оно есть. Вы меня понимаете?

– Нет, – сказал Андрей. – Я здесь всего два часа.

– Завтра сядете со мной в вездеход, и я повезу вас по кинжальному каньону.

– Покажи ему туннель-эдельвейс, – сказала Медея, – он раскроет рот, так и останется.

– Я завтра утром улетаю, – сказал Андрей.

– Ничего, – сказал Конрад. – На этот раз мы отправим в Центр столько материалов, что они вынуждены будут пошевеливаться. Есть вещи, которые случайностью не объяснишь.

– А когда они посмотрят, что дал радиоуглеродный анализ, они за головы схватятся! – с торжеством заявил Аксель.

– Нет, Андрею надо что-то показать. До темноты еще часа два, – сказал Жан. – Давайте я покатаю его на флаере.

– Спасибо, – сказал Андрей. Ему было стыдно признаться в том, как сильно его тянет в сон. Впрочем, проницательная Ингрид угадала, что с ним творится.

– Никуда он не полетит, – сказала она. – Зачем спать во флаере, когда можно поспать в шатре? Человек впервые попал к нам. Вспомните, как вы здесь спали первые дни. Конрад, уступишь Андрею койку?

– А компот? – удивился Аксель Акопян.

– Пускай идет, – сказала Ингрид. – Через два часа мы его разбудим.

– Через час, – сказал Андрей.

* * *

Конрад разбудил Брюса через два с половиной часа.

– Ты не простишь, если я дам тебе спать до утра, – сказал он.

В руке он держал чашку кофе. За окном было сине, почти совсем стемнело.

– Я себе не прощу, – сказал Андрей. – Спасибо, что разбудил. Со мной такого еще не бывало.

– Мы засекли со спутника, – сказал Конрад, – что Октин Хаш уже выехал. Хочешь посмотреть?

– Мне никто ничего не рассказывает, – сказал Андрей, отбирая чашку у Конрада. Кофе был горячий и очень крепкий. Конрад постарался.

Каюта Конрада была заставлена планшетами. Конрад считал себя художником. К счастью, он не стал художником, а стал хорошим биологом. Это были пейзажи. Очень яркие, в основном с закатами.

– А чего он к вам едет?

– Как соседняя держава. С визитом, – сказал Конрад. – Считается, что мы взяли под свою руку стаю Белого волка и можем претендовать на их бывшие земли. Политика сложная.

– А что вы ему предложите?

– Законы контакта условны. Люди здесь столь первобытны, что наше присутствие не нарушает их жизни. Они доисторичны. Мы не можем войти в их историю. О нас планета забудет раньше, чем достигнет цивилизации.

– Вы взяли под свое покровительство стаю?

– Иначе бы их перебили люди Октина Хаша. Ты этого хочешь?

– Конрад, ты сердишься, значит, ты не прав.

– Просто замечательно, если ты сидишь в Галактическом центре и за тебя думает компьютер. А ты видел Белогурочку? А ты ее младших братишек видел? Они хотят жить, понимаешь?

– И вы решили встретиться с Октином Хашем?

– Это он решил с нами встретиться.

– Он вас считает богами?

– Религия их первобытна. Они одушевляют силы природы. Они еще не додумались до концепции бога в человеческом обличье. Поэтому мы не можем быть богами. У нашего племени много оружия и богатств. Покорить нас невозможно. Ему совершенно непонятно, чего же мы хотим. А любопытство – одно из первых человеческих качеств.

– А что тебе нужно от этой встречи?

– Только чтобы нас оставили в покое. Чтобы перестали нападать на наши партии. Степь велика. Пускай идут дальше. Эта земля, – Конрад сделал широкий жест рукой, – от озера до холмов – наша.

– Вождь стаи Железных птиц…

– Не могу же я объяснить Октину Хашу, что мы прилетели из Галактического центра для проведения комплексных исследований. С сумасшедшими здесь разговор короткий – дротик под сердце.

В дверь заглянула Ингрид.

– Едут, – сказала она. – Пошли в узел связи, поглядим.

* * *

Спутник связи завис над лагерем кочевников. Если бы сам великий Октин Хаш, повелитель северной степи, поднял голову, он мог бы заметить искорку – не более того.

На большом экране узла связи был виден клуб серой пыли, куда более светлой, чем трава и синий воздух. Октин Хаш уже несколько недель стоял на берегу небольшой степной речки. Люди и кони истоптали траву. Слабый ветерок оттягивал пыльное облако в сторону – из пыли, как из тумана, поднимались горбы кибиток, совсем иных, чем чумы у стаи Белого волка. Бивни мастодонтов были обтянуты кожей динозавров. Кибитки расходились радиально от центра лагеря, где стоял шатер вождя. Лагерь был огражден повозками, за которыми далеко тянулись хибары и навесы. Там жили рабы и слуги, а далее оказалась свалка: кости животных, навоз, ломаные телеги, ямы, куда кидали мертвых, – Октин Хаш любил порядок в лагере, но не интересовался тем, что творилось за его пределами.

Перед шатром Октина Хаша стояли высокие шесты с разноцветными тряпками, у входа горели два костра, наполнявшие пыльное облако оранжевым сиянием. Всадники в костяных шлемах, накидках из крыльев птеродактилей – высушенные когти торчат над плечами, как эполеты, – с небольшими блестящими щитами из акульей кожи горячили босыми пятками мохнатых

лошадок, размахивали копьями, ожидая выхода вождя.

Два телохранителя, закованные в латы из панцирей игуанодонов, вышли первыми из шатра. Потянули, раздвигая полог, и тогда, скрытый по колени в пыли, вышел сам Октин Хаш. Он был мал ростом, на голову ниже людей, что следовали за ним. Корона из красных перьев лишь подчеркивала его малый рост. Одет он был скудно – лишь короткая юбка из тигровой шкуры. Вместо коня обнаженные рабы вели громадного ящера.

– Стегозавр, – сказала Ингрид. – Я покажу снимки – на них возят грузы в пустыне – целые караваны. Они тупы и послушны. А везет как грузовик. Машина неприхотливая – поел травки, снова в путь.

Между вертикальными метровыми пластинами на хребте ящера было устроено сиденье из шкур. Второе, спереди, для погонщика.

Подчиняясь удару копья, ящер покорно подогнул толстые ноги и коснулся брюхом земли. Два воина наклонились, чтобы вождь мог ступить на их спины. Оттуда – на спину ящера. Стегозавр поднялся и замер.

Всадники бешено закрутились вокруг, затем понеслись вперед, к проходу между повозок. Ящер, не спеша переступая по пыли, двинулся вслед, как линкор за торпедными катерами.

– Это только кажется, что он идет медленно, – сказал Конрад.

– Они далеко отсюда?

– Часа через полтора будут. Надо готовиться. Жан, ты предупредил стаю?

– Сейчас схожу, – сказал филолог.

Конрад обернулся к Андрею:

– Логика порой не срабатывает. Он едет к нам установить мир. Казалось бы, замечательно. Но с ним скачут молодцы, которые могут вырезать всю деревню нашей стаи. Потому надо предупредить.

– Вы их будете прятать здесь?

– Они уйдут в лес. Так уговорено.

– Вы его впустите на станцию?

– Разумеется, – сказала Ингрид. – Он пускал Конрада к себе в шатер. Оскорбление – не пустить в дом.

– А соблазн не слишком велик?

– Разумеется, мы примем меры.

Андрей поглядел на экран. Спутник не выпускал из поля зрения посольство, которое шло к станции.

Впереди носились всадники. Как пчелы, отрывающиеся от роя, они сновали в разные стороны и возвращались к громаде стегозавра. Колдуны и старейшины ехали спокойно, держась за хвостом ящера. Маленьким красным пятнышком покачивалась перьевая корона Октина Хаша между пластинами на спине стегозавра.

– Медея, – сказал Конрад, – проверьте со Стахом силовое поле. В станцию пропускаем только Октина и его советников. У вас час на то, чтобы решить, как это лучше сделать.

Андрей вышел наружу.

Громко стрекотали цикады. Недалекий лай собаки пробился сквозь этот звук и затих. Звезды были яркими и незнакомыми. Маленькая луна быстро шла по небу, закрывая звезды. Там, где зашло солнце, небо было зеленым, расчерченным черными облаками. Быстрая тень беззвучно пронеслась над головой, и Андрей отпрянул к двери.

Два черных силуэта возникли у цепочки зеленых огоньков – границы силовой защиты. Огоньки у их ног на секунду погасли, затем загорелись ярким белым

светом – в поле образовался проход.

Жан и Белогурочка подошли к Андрею.

– Вам цикады не надоедают? – спросил Андрей.

– Я привык, – сказал Жан, – я их не слышу, как старые часы в комнате. Белогурочка решила побыть у нас.

– А остальные?

– Остальные отошли в лес.

– Почему ты не ушла со всеми? – спросил Андрей.

– Я хотела увидеть тебя, – сказала Белогурочка.

Жан сдержанно улыбнулся.

– Вы еще не привыкли к простоте чувств и отношений, – сказал он. – Белогурочка всегда говорит то, что думает.

– Твой друг – Андрей? Почему он должен улететь?

– У меня дела далеко отсюда, – сказал Андрей.

– Ты охотник?

– Я караванщик.

Белогурочка обернулась к Жану, ожидая, чтобы он объяснил.

– Андрей хочет сказать, что он ведет повозки с товаром.

– Лучше, если бы ты был воином, – сказала Белогурочка.

Они вернулись на станцию. Там, при свете, Андрей смог разглядеть девушку. Она приоделась. На ней был короткий плащ из серых и черных перьев и несколько нитей бус из оранжевых острых зубов, из каких-то сушеных ягод. К сожалению, Белогурочка намазала брови сажей и на щеках нарисовала зеленые узоры.

– Красиво? – спросила она, перехватив взгляд Андрея.

– Не знаю, – сказал Андрей. – Я здесь первый день.

– Странно говоришь, – обиделась Белогурочка. – Один день, два дня, много дней – или красиво, или некрасиво.

– А это обязательно рисовать? – спросил Андрей.

– Обязательно. Это наш знак. Погляди.

Белогурочка протянула Андрею руку, на которой были вытатуированы такие же узоры.

– Когда я стану женщиной, – сказала она, – мне наколют на щеках такие рисунки. Я дочь вождя.

Они стояли в общей комнате станции. Еще днем там был беспорядок – здесь складывали образцы и грузы, полученные с «Граната». Сейчас все это убрали и комнату пропылесосили. Два кресла – самые красивые, их притащили из кают-компании – стояли рядом у стены.

Белогурочка быстро прошла к креслам и села в одно из них.

– Ты садись рядом, – сказала она. – Ты будешь Конрад. А я буду Октин Хаш.

Андрей подчинился.

– Только Октин Хаш не сядет сюда, – сообщила Белогурочка. – Мы сидим на полу.

– А ты?

– Я привыкла. Мне здесь нравится. Жан сказал, что, когда вы будете улетать, меня возьмут с собой. Мне с вами совсем не страшно.

– А когда тебе страшно?

– Ты когда-нибудь бегал?

Андрей не понял.

– Бегал, чтобы тебя не убили? Других убили, а ты бежишь. И ждешь, чтобы убили. Октин Хаш убил моего друга. И потом убил мою мать. Она лежала мертвая, а мы бежали и не смогли положить ее в землю. Это очень плохо.

– Это плохо, – согласился Андрей.

– Мой друг хотел вернуться. Мой друг сказал – я пришел в твой род. Это честь твоего рода. Я найду твою мать. Октин Хаш оставил своих людей. Он очень хитрый. Они подкараулили моего друга. Они привезли его голову и кинули. Я закопала ее в землю.

Белогурочка подобрала ноги, усаживаясь поудобнее в кресле. Ноги были исцарапаны, на коленке белый шрам.

– Они не найдут наших в лесу, – сказала Белогурочка. – Они боятся ходить в лес ночью. А где твой нож?

– Мне не нужно.

– У твоих есть ножи, которые бьют издалека. Ты знаешь?

– Знаю.

– Октин Хаш хочет взять меня. Чтобы я жила с ним, варила ему мясо и родила ему детей.

– А он тебя видел?

– Он к нам приезжал, чтобы говорить о мире. Они сидели с отцом, и я приносила мясо. И он сказал отцу: отдай дочь – будем одна стая. А отец сказал, что я обещана. Октин Хаш смеялся и сказал, что он все равно возьмет меня. Он очень веселый, этот Октин Хаш.

Белогурочка постаралась улыбнуться, но у нее ничего не вышло.

– Он всегда приходит говорить о мире, когда хочет убить. Я сказала Жану. Он идет вас убить. Жан сказал, что не боится.

Конрад вошел в комнату. Он был доволен.

– Зал для аудиенции готов. Жалко, что кресла не золотые, – сказал он. – Андрей, загляни в столовую. Жан сменит тебе заряд в бластере.

– Зачем?

– На усыпляющий. Если что случится, я не хочу, чтобы кто-нибудь погиб.

– Все же опасаешься?

– Октин Хаш – завоеватель. Хоть первобытный, но завоеватель. А завоеватели сами изобретают себе мораль. – Конрад обернулся к Белогурочке. – Пойди на кухню. У Медеи найдется для тебя что-нибудь вкусное.

– Ты боишься, что Октин Хаш увидит меня? – спросила Белогурочка, легко вскакивая с кресла.

– А ты хочешь его видеть?

– Пускай Октин Хаш знает, что у меня есть большие друзья. А потом мы пойдем в поход и убьем его, правда?

– Иди на кухню!

Белогурочка скользнула из комнаты.

Конрад нервничал. Он-то не был завоевателем.

* * *

Уже совсем стемнело, когда Октин Хаш подъехал к станции.

Конрад с Жаном вышли встречать. Конрад позвал с собой Андрея, потому что у того были серебряные башмаки и куртка с золотыми знаками. На станции ни у кого не нашлось более впечатляющего облачения.

Они стояли возле огоньков силового поля. Небо с частыми яркими дырками звезд, куда более яркое, чем над Землей, было зеленым там, где село солнце. Сквозь стрекотание цикад доносился заунывный вой.

– Волки вышли на охоту, – сказал Конрад.

Посольство показалось Андрею продолжением неба – у горизонта возникла цепочка оранжевых звездочек. Звездочки мерцали, перемещались и становились все ярче – всадники Октина Хаша держали в руках факелы. Отблески огня играли на блестящих боках стегозавра, который черной горой выдвинулся из тьмы. Погонщик крикнул, и стегозавр замер. Его маленькие глазки красными огоньками отражали свет факелов и оттого казались злобными. Стегозавр медленно поводил огромной головой, словно принюхивался к добыче.

При виде встречавших всадники завопили, размахивая дротиками и факелами. Стегозавр медленно опустился на брюхо.

– Приветствую тебя, Октин Хаш, великий вождь и мой брат, – сказал Конрад. Жан переводил.

Несколько всадников спешились, двое подбежали к стегозавру и встали на четвереньки, подставляя спины вождю.

Конрад счел момент удачным для подготовленного сюрприза. Он поднял руку, и по этому знаку со станции включили летающую лампу. Прожектор, зависший над головами, вспыхнул неожиданно и ослепляюще. Андрей зажмурился.

За эту секунду все вокруг изменилось. Стегозавр взметнулся на массивные задние лапы, когти передних дрожали над головами всадников. Погонщик, не удержавшись, полетел вниз, неловко свалившись на самого вождя, и они покатились под копыта коней. Вопли, рев стегозавра, проклятия Конрада, стук копыт, звон оружия создали всеобщий яростный грохот, словно рядом кипела битва. И уже в следующее мгновение, придя в себя, всадники ринулись вперед, построив заслон между вождем и людьми, и острый зазубренный наконечник копья закачался перед лицом Андрея. Жан, бросившийся было на помощь Октину Хашу, налетел на воина, и тот одним ударом сшиб его с ног. Резким клекотом послышался голос вождя. Жан поднялся, стоял подобравшийся, черный и прямой.

Копья опустились. Жан произнес длинную фразу, прося прощения у гостей. Потом была пауза. Жан обернулся к Конраду.

– Я объяснил, – сказал он тихо, – что мы не желали зла. Что мы хотели только достойно осветить место встречи…

Тут заговорил Октин Хаш.

– Меня нельзя испугать, – переводил Жан. – Я ничего не боюсь, но вы напугали наших животных. Так не принимают высоких гостей.

Очень толстая женщина с раздувшимся от жира лицом – глазки щелками, – облаченная в громоздкую меховую шубу, с трудом нагнулась, подобрала с земли помятую корону из красных перьев, расправила и нахлобучила на лысую голову Октина Хаша.

– Мы уезжаем, – закончил перевод Жан. – И между нами будет война.

– Какая еще война! – не выдержал Конрад. – Мы будем говорить. Мы не сделали ничего дурного. Андрей, ну подействуй на них! Нам работать нужно. С ума сойти!

– Скажи ему, Жан, – Андрей не поверил в гнев вождя, – что мы не допускали мысли, что такой смелый вождь, как Октин Хаш, изменит свое решение из-за того, что над его головой зажегся свет.

Пока Андрей говорил, он не сводил взгляда с вождя. Ему показалось, что тонкие губы Октина Хаша изогнулись в усмешке.

Октин Хаш ответил Андрею.

– Великий вождь, – с явным облегчением в голосе перевел Жан, – соизволил принять объяснения вождя Железных птиц и будет с ними разговаривать. Куда надо идти?

Проход в силовом поле был раскрыт, и Октин Хаш смело пошел вперед. За ним ринулись толпой старейшины и воины.

– Погодите! – крикнул Конрад. – Жан, скажи ему, чтобы остальные ждали здесь.

Жан не успел перевести, потому что Ингрид, которая следила за этой сценой с пульта управления, включила вновь силовое поле, и оставшиеся снаружи воины бились о воздушную стену.

Октин Хаш остановился.

– Почему они остались там? – спросил он.

– Здесь тесно, – ответил Конрад.

– Ночь холодна, и мои воины голодны. Кто их накормит?

– Этого еще не хватало! – вырвалось у Конрада.

– Он прав. Мы нарушаем закон степи, – сказал Жан.

– Скажите им, что пищу вынесут на поляну. Там свободно. Пускай они подождут немного. Пища скоро будет готова.

Когда Жан перевел, Октин Хаш, подумав несколько секунд, кивнул и приказал воинам ждать и не беспокоиться.

– Пускай откроют консервы, – сказал Конрад, зная, что каждое его слово слышно внутри станции. – И учтите, что там человек двадцать, не меньше.

Он первым пошел к дому, ворча:

– Разорение, сущее разорение.

– Хорошо, что свита невелика, – сказал Андрей.

Они вошли в комнату. Октин Хаш сразу увидел два кресла. Он смотрел, как Конрад прошел к одному из них.

Октин Хаш отлично владел собой, Андрей отдавал ему должное. Ведь дикарь никогда не был внутри станции. Белые стены, белый пол, яркий свет, мебель – все это должно было его смутить. Спутники вождя были куда более взволнованы. Они уселись на корточки у входа, не смея ступить в глубь комнаты.

Конрад уселся в кресле, показав гостю на второе. Тот остался стоять. Они же не сидят на стульях, вспомнил Андрей.

Вдруг быстрым обезьяньим движением Октин Хаш подпрыгнул и опустился в кресло, поджав ноги. Его спутники громкими возгласами встретили это достижение.

– Мы рады, – произнес Конрад, стараясь не улыбнуться, – что великий сосед пожаловал к нам с миром.

– Я тоже люблю мир, – ответил вождь. Глаза у него были черные, мышиные, острые. – Все, кто послушен мне, будут есть много мяса…

– Хо! Хо! – поддержали вождя его спутники.

– Октин Хаш предлагает вам отдать ему этот дом и все вещи. За это вы всегда будете сыты и довольны. Он знает, что у вас много мужчин и мало женщин. Он

даст вам хороших женщин.

– Жан, передай нашему гостю, – сказал Конрад, – что мы не будем жить здесь долго. Мы не хотим власти над другими стаями. Мы хотим покоя. Нам нужно, чтобы воины Октина Хаша не нападали на наших людей.

– Он обвиняет тебя во лжи, – перевел Жан. – Он говорит, что мы взяли в рабство стаю Белого волка, которая убежала от Октина Хаша.

– Они не рабы нам, – сказал Конрад. – Они пришли по доброй воле.

– А ты дашь мне дочь их вождя по имени Биллегури. Мой благосклонный взгляд упал на нее.

– А она согласна?

– Ты спрашиваешь желания маленькой женщины?

– Так у нас принято.

Когда Жан перевел слова Конрада, степняки, сидевшие кучкой у дверей, возмущенно заворчали.

Октин Хаш улыбнулся – рот тонкой полоской протянулся до ушей.

– Белые волки трусливо убежали от меня. Они недостойны твоей заботы, брат.

Конрад обернулся к Андрею. Он был в тупике.

– Как его убедить?

– Стой на своем, – сказал Андрей. – Он же тебя испытывает. Как только отступишь в чем-то, он сразу сделает шаг вперед.

Октин Хаш смотрел на Андрея.

– Он просит меня перевести ваши слова, – сказал Жан Андрею.

– Переведите, ничего страшного.

Жан перевел.

Октин Хаш по-лягушачьи растянул губы, пожевал ими задумчиво.

– На моем совете, – сказал он, – младшие не смеют давать советов вождю. Или ты больший вождь, чем Конрад?

Андрей не успел ответить, потому что в зал заглянул Теймур и спросил, как давать пищу воинам. Удобно ли в пластиковых контейнерах? И как будут обедать вожди? Накрывать в столовой?

– Что он говорит? – Октин Хаш был насторожен и подозрителен.

Жан объяснил, что проблема в том, как кормить его воинов.

– Пища готова? – Октин Хаш спросил это по-хозяйски уверенно. – Тогда я пошлю моего колдуна с вашими людьми, которые понесут пищу. Он должен очистить ее, потому что ваши люди могли ее испортить.

– Еще чего не хватало! – Конрад был искренне возмущен. – Зачем мы будем портить пищу? Мы же сами ее едим.

– Мы не знаем мыслей нашего уважаемого брата, – ответил Октин Хаш. – Может быть, смерть моих воинов доставит ему радость.

Конрад растерянно поглядел на Андрея.

Андрей понимал его. Конрад был уверен, что встреча с Октином Хашем должна быть своего рода научным развлечением. Кладом для этнографов и антропологов. Непосредственная беседа со степным завоевателем – скрытые камеры трудятся, чтобы не упустить ни мгновения. Подарки заготовлены, угощение для вождя стынет в столовой. Пораженный могуществом людей, Октин Хаш смиренно обещает более не нападать на полевые группы, не

безобразничать, и в степи наступает блаженный мир. А Октин Хаш, оказывается, настолько первобытен, что на него не действуют элегантные интерьеры станции и могущество Конрада, который умеет зажигать солнце над головой. И вообще он не хочет преклоняться перед Конрадом. Он видит в Конраде степного вождя, столь же коварного и мелкого, как сам Октин Хаш. И вместо того, чтобы выслушивать разумные предложения Конрада, он сам чего-то требует.

Не найдя поддержки у Андрея, Конрад сказал Акселю:

– Голубчик, пускай этот колдун-кастрат идет и пробует что хочет. А ты, Жан, скажи нашему гостю, что мы сейчас перейдем в столовую, где будет приготовлен скромный ужин.

– Я не буду говорить – скромный, – возразил Жан. – Так не принято говорить.

– Ну, скажи – королевский, сказочный, удивительный!

Жан сказал.

Андрей смотрел на тонкие руки Октина Хаша, которые плетьми высовывались из-под тигровой накидки. Руки были густо татуированы. Левую обвивал синий змей, хвост которого скрывался под тигровой накидкой, а голова лежала на тыльной стороне ладони. Другая рука была украшена узорами, среди которых угадывались зубастые рыбы.

– Мы недовольны, – услышал он голос Жана, который снова переводил. – Вы не отдали нам стаю Белого волка, вы не хотите мира. Значит, будет война. Мы сами отберем у тебя твоих рабов, а ты с веревкой на шее будешь идти за моей повозкой.

Говоря так, Октин Хаш не двинулся с места. Пока Жан переводил, он заинтересовался креслом, поковырял ногтем обшивку, затем принялся задумчиво чесать большой палец на ноге, став похожим на умную обезьяну.

– Мы не хотим войны, – сказал Конрад. – Мы могучие люди. Мы сильнее всех твоих армий, и ты об этом знаешь.

– Я об этом не знаю, – возразил Октин Хаш, – потому что мы еще не воевали. Но думаю, что мои воины сильнее.

– Что ему нужно? – спросил Конрад у Андрея. – Я ни черта не понимаю. Он в самом деле хочет с нами воевать?

– Вряд ли, – сказал Андрей. – Он даже не удосужился изобразить гнев. Спроси его, хочет ли он меняться с нами или торговать.

Октин Хаш кинул на Андрея острый взгляд. Жан перевел.

– Что вы мне дадите? – Октин Хаш рассматривал палец ноги.

– У нас есть пища, украшения, у нас есть котлы, чтобы варить еду. – Конрад задумался… Чем бы еще пожертвовать? Хорошо было капитану Куку. Он специально вез бусы для туземцев.

– Мы сами добудем себе пищу, – сказал Октин Хаш. – И у нас есть из чего ее хлебать. Нам нужно оружие. Железное.

У их копий железные наконечники, подумал Андрей. Надо проверить. Выйти к воинам и проверить.

Но Конрада это не удивило. Он думал о другом.

– Мы не можем дать вам оружие и железо, – сказал он твердо, – потому что ты будешь убивать им других людей.

Вот зачем приехал Октин Хаш, понял Андрей. Все остальное – камуфляж.

– А зачем еще нужно железо? – удивился Октин Хаш.

– Железо нужно, чтобы строить и добывать руду, пахать поля и делать нужные вещи, – наставительно сказал Конрад, и его слова канули в пустоту.

– Железо нужно, чтобы завоевывать, – не менее наставительно произнес Октин Хаш, и старейшины, сидевшие на полу, закивали головами, поражаясь мудрости вождя.

Октин Хаш откинул полу своей накидки – у пояса висели два ножа в кожаных ножнах. Он не спеша вытащил один и протянул его Андрею, которого считал более важным вождем, чем Конрад.

Андрей взял нож. Нож был из стали. Одного взгляда было достаточно, чтобы это понять. Но даже не это более всего заинтересовало Андрея. Он понял, что основой для лезвия послужила прокатанная на заводе полоса стали, которую потом разрезали на куски и заточили. Разумеется, здесь никто еще не умеет выплавлять железо и тем более сталь. Но откуда-то в лапы Октина Хаша попала настоящая сталь…

– Это хороший нож, – сказал Андрей и вернул его Октину Хашу. – Из чего сделана такая красивая рукоять?

Октин Хаш дождался перевода и не смог сдержать удивления.

– Рукоять сделана из зуба акулы, – перевел Жан и добавил от себя: – Это в самом деле сталь?

– Да, – сказал Андрей. – Но поговорим позже.

Из-под потолка прозвучал голос Теймура – тот включил внутреннюю связь:

– Пища для воинов готова. Белогурочка говорит, что им должно понравиться. Мы понесли ее к ограде. Где их контролер?

Октин Хаш даже не взглянул на потолок. Он не выпускал из руки ножа, все еще раздумывая над словами Андрея.

Конрад сказал:

– Октин Хаш просил, чтобы его колдун проверил пищу. Пускай он пойдет и проверит.

Октин Хаш выслушал перевод и кинул два слова толстой бабе в меховой шубе. Та захихикала и с трудом поднялась с пола.

– Андрей, – устало попросил Конрад, – ты не проводишь его? И скорее возвращайся.

Андрей пошел к двери. Колдун за ним. Снаружи у дверей станции уже стоял Теймур. Рядом на тележке закрытый котел и в ящике – груда лепешек.

Белогурочка стояла у самой стены, не решаясь выйти на свет, потому что совсем близко, за невидимой преградой, столпились воины. При виде пищи они зашумели – видно, в самом деле проголодались.

Колдун заковылял к тележке.

– Он что, пробу будет снимать? – спросил Теймур.

Колдун открыл крышку котла, и оттуда повалил мясной пар, при виде которого воины за оградой еще более оживились. Колдун ткнул толстым пальцем в Теймура и заверещал.

Теймур понял. Он зачерпнул поварешкой из котла и отхлебнул. Воины, повинуясь знаку Теймура, чуть отошли от входа. Теймур покатил тележку вперед.

– Вам помочь? – спросил Андрей.

– Нет, не тяжело. Подстрахуйте меня.

– Я подожду, – сказал Андрей.

Он держал руку на бластере.

– Медея! – крикнул Теймур. – Открывай проход. Обед везем.

Зеленые огоньки в проходе погасли. Затем загорелись красным светом.

Теймур лихо вкатил тележку в проход, и воины сдвинулись, галдя, отталкивая его и протягивая лапы к лепешкам.

Андрей увидел, что колдун, видно, удовлетворенный, повернулся и вразвалку побрел внутрь станции.

Андрей решил не уходить, пока силовое поле не будет восстановлено. А где Белогурочка? Андрей поглядел вдоль стены. Именно в этот момент все и началось. Когда Андрей снова поглядел на ограду, Теймура не было. Толпа воинов, лязгая оружием, уже вливалась в проход в силовом поле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kir-bulychev/podzemel-e-ved-m

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити